

исключительной трудности, он не может считаться окончательно решенным¹. Предположения, высказанные по этому поводу различными исследователями XIX и XX вв., довольно противоречивы. Так, нет еще единого мнения даже по вопросу о том, что следует считать субстратом румынского языка: фракийский, иллирийский, фрако-иллирийский, дакийский, дако-гетский, фрако-дако-гетский или же дако-мизийский. Это объясняется тем, что не все авторы имеют ясного представления о сущности древних балканских языков и их взаимодействии в тот период, когда римляне завоевали Дакию. С другой стороны, относительно некоторых из них возникают споры: являются ли они разными языками или же разными диалектами одного и того же языка. В свете исследований, опубликованных за последнее время болгарским ученым акад. Вл. Георгиевым², можно считать уже установленным, что дакийский (или дако-мизийский) является субстратом румынского языка. Тем не менее спорные вопросы остаются. Главным образом это относится к идентификации субстратных элементов в тех случаях, когда нет (или пока еще не найдено) соответствий в албанском. Кроме того, имеются трудности, связанные с тем, что одни и те же румынские слова по-разному интерпретируются разными исследователями: то как унаследованные от субстрата, то как заимствованные (из славянского, греческого, германского или венгерского — иногда турецкого). Здесь еще пока не выработана строгая методология этимологических исследований. Однако, все то, что в румынском не может быть объяснено с помощью латинского, романского или соседних языков нужно отнести, гипотетически, конечно, за счет субстрата³. Несомненно, в таком слу-

¹ Этот вопрос снова стал актуальным, благодаря особенно исследованиям, проведенным в Румынской Народной Республике с целью разностороннего изучения многочисленных проблем, связанных с происхождением румынского языка и румынского народа.

² См. его труды: *Тракийският език*, София, 1957, стр. 54—83; *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков)*, Москва, 1958, стр. 112—145; *Въпроси на българската етимология*, София, 1958, стр. 89—119; *Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch*, «Балканское языкознание», II, София, 1960, стр. 1—19; *Dakisches Substrat in der rumänischen Lautlehre*, «Studii și cercetări lingvistice» (в дальнейшем SCL), XI, 1960, вып. 3, стр. 481—484; *Raporturile dintre limbile dacă, tracă și frigiană*, «Studii clasice», 1960, стр. 39—58; *Българска етимология и ономастика*, София, 1960, стр. 76—129 (См. нашу рецензию в «Studii și cercetări științifice», Filologie, Academia R.P.R., Filiala Iași, XII, 1961, вып. 2, стр. 265—271); *Sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques — le dace, l'albanais et le roumain*, «Studii clasice», III, 1961, стр. 23—27; *La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne*, Sofia, 1961, стр. 5—11; *Zur dakischen Hydronymie*, «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. X, 1962, fasc. 1—3, стр. 115—118; *Dak. Δροβητης, Dru / obeta(e) = Rum. druete «Holz»*, «Отисак из Зборника за филологију и лингвистику», књ. IV—V, Нови Сад, 1961—1962, стр. 85—86. См. также ВЛ. ГЕОРГИЕВ, ИВ. ДУРИДАНОВ, *Езикознание*, София, 1959, стр. 337—338 (глава написана Вл. Георгиевым).

³ Если только это не позднейшие новообразования, возникшие на румынской почве. Известно (см. I. I. RUSSU, *Limba traco-dacilor*, București, 1959), что в румынском языке нет албанских заимствований. Так называемые албанские заимствования в румынском это, фактически, слова с более архаичным (чем в албанском) фонетическим обликом и морфологической структурой (см. также S. PUȘCARIU, *Limba română*, vol. I. *Privire generală*, București, 1940, стр. 178—179. Так, примеры вроде